

Л.Н. ВЕРЧЁНОВ

**ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА КОНЦЕПЦИИ
«МЕЖДУМОРЬЯ» В ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ,
(1918–1926 гг.)
(Реферативный обзор)**

В книге Петра Окулевича [Okulewicz, 2001] рассматриваются первые годы после обретения Польшей независимости, анализируется влияние Юзефа Пилсудского на формирование внешней политики Польской Республики, характеризуется деятельность Пилсудского и его сподвижников (пилсудчиков), пытавшихся в 1918–1926 гг. провести в жизнь концепцию «междуморья».

Следует иметь в виду, что во внешней политике молодой Польской Республики не было единой согласованной линии: разные политические силы и институты (например, Министерство иностранных дел) настаивали на своих приоритетах и по-своему реализовывали их в практической деятельности. На выстраивание внешней политики тем не менее оказывали особое влияние пилсудчики, доминировавшие в органах государственной власти в первые годы независимого существования новой Польши [см.: Бабенко, 2007, с. 32].

В данном номере «Политической науки» предполагалось поместить реферат книги П. Окулевича, однако в процессе подготовки реферата потребовалось уточнить и расширить затрагиваемые автором проблемы. Так появился реферативный обзор.

Обратим внимание, что у П. Окулевича «междуморье» именно с маленькой буквы: фактически речь ведется о региональной «балтийско-черноморской геополитике».

В 2007 г. Лешек Мочульский опубликовал 800-страничное геополитическое и геоисторическое исследование «Рождение Междуморья» [Moczulski, 2007], в котором описывает, как начиная с поздней античности и до раннего Средневековья (исследование заканчивается X в.) из мглы *terra incognita* проступали страны и народы, которых вначале объединяла совместная история средиземноморского античного мира, а затем – формирующееся и утверждающееся христианство.

Возникающая Европа на исходе первого тысячелетия делилась на цивилизационные пояса. Наиболее развитой была юго-восточная часть бывшей Римской империи, ставшая Византией. Второй пояс – это часть бывшей Западно-Римской империи, прежде всего Италия и Галлия. Третий пояс – немецкие земли и будущая Великобритания: римское влияние здесь шло на убыль, но все сильнее становилось цивилизационное воздействие молодого христианства. Четвертым поясом как раз и было Междуморье. Пятый пояс – восточная часть Балтики, Северная Скандинавия, юго-восточное побережье Черного моря: эти территории к X в. были еще вне нарождающейся европейской ситемы.

Свое исследование Л. Мочульский завершает констатацией: подходил к концу период, когда сообщества на континенте Европа идентифицировали себя как *res publica Christiana*, «христианский мир», и «духовная Империя», чтобы через два-три столетия стать геокультурной Европой.

Но прежде чем это произойдет, народы и нарождающиеся нации выстраивали геополитическую структуру уникального европейского пространства, а в его рамках – пространства Междуморья, восточного мегарегиона между Балтикой, включая Южную Скандинавию, Адриатикой (за исключением Далмации), и Черным морем, – пространства, на котором началась цивилизационная стабилизация на основе христианизации проживающих здесь народов.

Проблемы, затрагиваемые в книге П. Окулевича, станут понятнее, если «вписать» их в контекст польской истории, представленной, например, в книге польских авторов «История Польши» [Тымовский, Кеневич, Хольцер, 2004].

Описывая историю польского государства и народа, авторы прослеживают, как происходили территориальные изменения на-

чина с X в., подчеркивают значение факта переноса границ на востоке и на западе. Особое внимание уделяется проблеме сохранения нации в период, когда на протяжении всего XIX в. не существовало государства или когда (как во второй половине XX столетия, во времена ПНР) польское государство обладало ограниченным суверенитетом. «Вопрос о наличии или отсутствии государственности остается под пристальным вниманием поляков уже на протяжении двухсот лет. Возможно, это указывает на глубоко укоренившийся комплекс и неуверенность в собственной национальной идентичности. Заметим, однако, что эти явления вообще характерны для стран, развивающихся на пограничье цивилизации» [Тымовский, Кеневич, Хольцер, 2004, с. 11–12].

Враждебность к государствам, разделившим Польшу, страх перед их политикой до сих пор довлеют над отношениями Польши с ее соседями, в том числе и в первую очередь с восточными.

«Одной из главных проблем внешней политики возродившегося в 1918 г. польского государства, – возвращаемся к книге П. Окулевича, – была угроза со стороны России» [Okulewicz, 2001, s. 5]. Среди польских проектов выстраивания отношений с Советской Россией выделялась концепция Верховного главы государства (Начальника государства)¹ Юзефа Пилсудского. Исходным пунктом этой концепции стал постулат о необходимости раздробления бывшей Российской империи по «национальным границам (szwam)».

Нагляднее об этом можно судить по материалам публицистов из лагеря Пилсудского. «Раздробление России, расчленение ее на отдельные государства, воюющие друг с другом, создание вала буферных стран, дружественных Польше, отделение России от Балтийского и Черного морей – таковы перспективы, которые сейчас стоят перед Польшей, именно таковы программы, реализация которых отдаст на откуп Польше весь комплекс проблем восточной политики, навсегда покончит с великодержавным могуществом России и позволит нам в будущем сконцентрировать все государственные усилия на обороне наших западных границ... Расколота, разбитая Россия может быть для нас слабым неприятелем, объединенная Рос-

¹ Должность Начальника государства известна в польской политической традиции со времен Т. Костюшко.

сия должна быть для нас могущественным врагом, угрожающим нам с востока, особенно если она объединится против Польши с Германией» [цит. по: Okulewicz, 2001, s. 110].

Для Пилсудского и его соратников важным было создать региональную систему безопасности, которая, во-первых, позволила бы Польше не иметь непосредственной границы с Россией и, во-вторых, не дала бы возможности Германии и России иметь общую границу между ними. Но главным было создание блока (союза дружественных государств). Предполагалось, что эти государства, опасаясь России, будут стремиться к союзу с Польской Республикой, и в результате возникнет «система безопасности», центром которой станет Вторая Речь Посполитая¹.

Система эта должна была включать пространство государств от Балтийского до Черного моря. В 1918–1920 гг. идея «междуморья» часто связывалась, иногда тесно переплеталась с концепцией федерализма.

Считается, что 1919 г. стал началом попыток провести в жизнь идею федерации. В ходе ведущихся в этот период дискуссий Польскую Республику рассматривают как государство, связанное федеральными отношениями с Литвой, Белоруссией, Украиной и, возможно, с Латвией и Эстонией. Распространяя свои федеративные намерения на Эстонию, Пилсудский тем самым дополнил концепцию федерализма концепцией «междуморья» (до раздела в 1795 г. территория Эстонии не входила в состав Польши).

К апрелю 1919 г. выяснилось, что Литва стремится строить собственное независимое государство и не намерена вступать в польско-литовскую федерацию. В августе этого же года Пилсудский попытался осуществить пропольский переворот в Литве, однако фиаско этого предприятия еще больше обострило отношения между двумя государствами, стало началом открытой враждебности Литвы к Польше, которая только усугубилась после занятия польскими войсками Вильнюса в 1920 г.

Ход событий приводит к тому, что в Польше постепенно начинают отходить от идеи федерации. Сам термин «федерация», еще долго будет фигурировать в политических декларациях, впро-

¹ «Вторая Речь Посполитая» часто использовалась как название независимого польского государства в период 1918–1939 гг. Первая Речь Посполитая перестала существовать в результате раздела в 1795 г.

чем, теперь он понимается не как содружество государств, а скорее как тесный военно-политический союз.

После того как большевики одержали победу над Деникиным, Советская Россия оказалась на грани истощения своих сил. Единственной силой, способной влиять на развитие ситуации в регионе, осталась польская армия. «Тем самым, приближался момент, чтобы навязать России условия заключения мира и закончить монтаж большого антироссийского союза на пространстве “междуморья”» [Okulewicz, 2001, s. 111].

Польша надеется стать координатором антироссийской политики Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украины и Финляндии и даже новых кавказских государств.

Несмотря на враждебность со стороны Литвы, усилия по созданию к северу от Польши блока союзных государств выглядят в этот период многообещающе.

В мае 1919 г. Польской Республике пришлось переключиться на урегулирование отношений с Германией из-за угрозы польско-немецкой войны. В этих условиях единственно возможным путем получения военной помощи со стороны западных союзников, прежде всего Франции, стали черноморские порты Румынии. Пилсудский теперь считает необходимым тесное сотрудничество с Румынией, которая вначале рассматривается как союзник в борьбе с Германией, но уже к осени 1919 г. Румыния начинает рассматриваться и как союзник против России. В 1921 г. с Румынией был подписан договор о союзе.

А вообще ситуация с южными соседями Польской Республики оказалась сложной. В апреле 1920 г. Пилсудский подписал договор о военном союзе с Петлюрой, поляки начали наступление и заняли Киев. Это оказалось пиком их успехов. Красная Армия переходит в контрнаступление и доходит до Варшавы. Теперь уже поляки вынуждены перейти в контрнаступление, Красная Армия отброшена за Минск.

В результате этой польско-российской войны Польская Республика согласилась на заключение перемирия, а затем и подписание в Риге 18 марта 1921 г. мирного договора с Советской Россией (последняя подписала договор также от имени Советской Украины и Советской Белоруссии). Мало того, что пришлось смириться с потерей Украины и Белоруссии, ставших советскими республика-

ми, Польская Республика получила-таки непосредственную границу с Россией вместо дружественных Украины и Белоруссии. Попытка воплотить в жизнь концепцию «междуморья» провалилась. В лагере Пилсудского, впрочем, от нее не отказались, пришлось ее трансформировать.

Анализируя период 1921–1926 гг., П. Окулевич описывает эволюцию концепции «междуморья» в новых политических реалиях, особое внимание уделяется попыткам создания блока балтийских государств, включая и Финляндию.

Противоречия между балтийскими государствами, опасения Финляндии, что неурегулированные польско-германские отношения осложнят жизнь союзников Польши, не позволили создать Балтийский союз под гегемонией Польши.

К тому же в эти годы влияние Пилсудского на внешнюю политику слабеет. В 1923 г. он вообще отходит от официальной политической жизни, впрочем, еще раньше, при министре иностранных дел К. Скирмунте (1921–1922), проект «междуморья» начинает терять свое значение.

После 1922 г. контакты между Польской Республикой и балтийскими государствами слабеют, последние все больше и больше попадают под влияние Германии и России (СССР). Серии конференций министров иностранных дел Польши и балтийских стран в период 1923–1925 гг. оканчивались, как правило, ничем, а после конференции в сентябре 1925 г. в Женеве они больше не проводились. В 1925 г. «польской концепции “междуморья” был положен конец» [Okulewicz, 2001, s. 389].

Локарнские соглашения между Францией и Германией в сентябре 1925 г., по которым западные границы Германии обрели международное признание, изменили международное положение Польской Республики, поставив во главу угла безопасность ее западных границ.

Проблема «междуморья», заключает П. Окулевич, до сих пор не получила надлежащей разработки. Только в 60-е годы отдельные исследователи вернулись к этой теме. В основном это были статьи, касающиеся польских проектов интеграции, а в массе своей они касались отдельных аспектов концепции «междуморья»: темы федерализма, политической деятельности соратников Пилсудского, отношений с балтийскими государствами, польско-

румынских, польско-украинских, польско-белорусских и, конечно, польско-советских отношений и т.д.

Всплеск исследований, публикаций архивных материалов и документов, дневников и воспоминаний наблюдается после крушения коммунистической системы и восстановления полной независимости Польши. Исследования и публикации эти посвящены восточной политике Польши в самом широком понимании и значении.

Ну а для логичного завершения этого краткого обзора приведем мнение российского специалиста. Как отмечает Марина Кучинская [Кучинская, 1998], проблема «кресов» – бывших окраин Польши (времен Первой Речи Посполитой), в первую очередь Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленщины, после 1989 г. некоторое время будоражила польское общественное мнение, звучала нота сентиментальной привязанности к «кресам». Однако официальная Варшава отдавала себе отчет в том, что «излюбленная идея маршала Пилсудского о создании некой унии между Польшей, Литвой, Белоруссией и Украиной осталась в прошлом» [Кучинская, 1998, с. 34].

Тем не менее стремление создать «дружественное окружение» (или, по формуле Б. Геремека, «демократическую реконструкцию региона») объясняет, почему мотив черноморско-балтийского сотрудничества время от времени вновь обретает звучание в Республике Польша.

Литература

- Moczulski L.* Narodziny Międzymorza: ukształtowanie ojczyzn, powstanie państw oraz układy geopolityczne wschodniej części Europy w późnej starożytności i we wczesnym średniowieczu. – Warszawa: Bellona, 2007. – 826 s.
- Okulewicz P.* koncepcja «międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926. – Poznań: Wydawn. Poznańskie, 2001. – 418 s.
- Бабенко О.В.* Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова: РАН ИНИОН, 2007. – 224 с.
- Кучинская М.* Новая парадигма польской восточной политики // Pro et Contra. – М., 1998. – Т. 3, № 2. – С. 11–38.
- Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – 544 с.